

УДК 821.161.1-32(Рубина Д.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)64–8,444

В.И. Клепикова
Екатеринбург

**Функционирование вставных конструкций
в рассказах Д. Рубиной**

Аннотация. В статье представлен анализ специфики функционирования вставных конструкций в рассказах Д. Рубиной, проведённый на материале рассказа «Я и ты под персиковыми облаками». Проанализирована связь семантического и структурного аспектов вставных конструкций, отмечено их взаимодействие с предложением, в состав которого они включены, а также сделан вывод о специфике использования вставок в конкретном художественном произведении. Сформулированы такие функции вставок, как создание второго сюжета, развивающегося параллельно динамике основного действия, и детальное раскрытие двух пересекающихся образов, наиболее важных с точки зрения автора-повествователя.

Ключевые слова: лингвистический анализ текста, функции вставных конструкции, русская литература, русские писатели, литературное творчество, рассказы.

Сведения об авторе: Клепикова Вероника Игоревна, студент 3 курса ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург).

Контакты: 620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; nikasha74@gmail.com.

V.I. Klepikova
Yekaterinburg

Features of functioning insert constructions in D. Rubina's stories

Abstract. The article is devoted to the analysis of the specific of the functioning insert constructions in the D. Rubina's stories, conducted on the example of the story. The interaction of the semantic and structural aspects of insert constructions is analyzed, the interaction with a proposal, in which they are included, is mentioned, and a conclusion about the nature of using the insert constructions is made

on the basis of a specific artwork. Characteristic style dominants of D. Rubina's poetics, reflected in the insert constructions of this story, are noted. Such functions as a creation of a second story, which develop together with the main action, and detailed disclosing of the two cross images, the most important from the narrator's point of view, are formulated.

Key words: linguistical analysis of the text, insert construction.

About the author:

Klepikova Veronika, 3-year student of Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Творчество любого писателя имеет свои художественные особенности в тематическом и структурном планах. Д. Рубина – одна из представительниц такого явления в современной литературе, как женская проза. Её произведения интересны как в читательском круге, так и среди исследователей. Однако, несмотря на достаточное количество научных трудов, посвящённых особенностям прозы Д. Рубиной [4, 8], не существует работ, посвящённых анализу вставных конструкций в произведениях данного автора, тогда как вставки являются неотъемлемой и очень важной частью идиостиля писательницы, так как обладают большой семантической и функциональной нагруженностью. Данная статья посвящена анализу функционирования вставок в рассказе «Я и ты под персиковыми облаками»[6]. .

Вставные конструкции выполняют различные функции, наиболее важная из которых – внесение в предложение дополнительной информации [1, 2, 5, 7, 9]. В произведениях Д. Рубиной вставные конструкции не только заключают в себе отсутствующую в основном тексте информацию, но и выполняют другие функции, характерные для идиостиля именно этого писателя.

Центральным героем выбранного нами рассказа является домашний любимец автора – пёс по кличке Кондрат. Повествование ведётся от лица героя-рассказчика, за которым стоит Д. Рубина. Но нельзя буквализировать это сходство, так как в одном из своих интервью она определила свою позицию следующим образом: «Меня раздражает знак равенства между писателем и той особой, которую критики называют "лирической героиней»

ней"». Герой-рассказчик не только действует среди других персонажей, но и в целом организует произведение, доминирует над остальными героями, так как он знает о каждом из них больше, чем они сами о себе.

Д. Рубина в рассказе описывает свою семью (мужа, двоих детей и любимую собаку). Безусловно, главное положение занимает пёс Кондрат, так как именно его персоне посвящён рассказ. Следует отметить, что Кондрат не только носит человеческое имя, но и имеет все возможные человеческие характеристики. Описание его внешности подобно описанию героев какого-либо романа (*«Такой себе шерстистый господинчик некрупной комплекции, скорее, белый, с чёрными свисающими ушами, аккуратно разделёнными белым пробором, что делает его похожим на степенного приказчика большого магазина дамского белья. На спине тоже есть несколько больших чёрных пятен, хвост белый, энергичный, ответственный за все движения души. <...> Не Бог весть что, но длинная взъерошенная морда и чёрные глаза, саркастически глядящие сквозь лохмы казацкого чуба, изумительно человекоподобны»*): он важный и степенный, имеет глубокую душу, оттенки которой выражает виляние хвоста. Черты его морды, среди которых главное – глаза, выглядят как человеческие. Заданная практически с самого начала (хотя описание дано ближе к середине рассказа) черта человекоподобного пса прослеживается на протяжении всего повествования и является ключевой. Уже во втором абзаце рассказа Кондрат назван «личностью».

Начало рассказа отведено описанию появления такого важного члена семьи, как пёс Кондрат. В частности, необходимо обратить особое внимание на знакомство героя-рассказчика (объективированного «я» в произведении) с новым действующим лицом. Он, словно ребёнок, маленький, но проявляющий черты самостоятельности, то есть наличия собственного мнения и желаний, что выражает первая вставная конструкция в тексте рассказа (то есть характеристика поступка щенка с точки зрения героя): *«Взяла его на ладонь, он куснул меня за палец, отстаивая независимость позиции, придержал ухваченное в зубах, как бы раздумывая – что делать с этим добром, к чему приспособ-*

бить...и сразу же принялся деятельно зализывать, – "да, я строг, как видишь, но сердцем мягок" ...».

Вторая вставка являет собой прямую речь от лица собаки, которую рассказчик пытается выстроить на основании увиденного и прочувствованного. В течение всей истории героиня будет стремиться узнать, о чём же думает столь дорогое ей существо, будет хотеть иногда проникнуть в его мысли, поэтому и в данном предложении она во вставных конструкциях интерпретирует поведение нового питомца, пытаясь понять его.

Далее повествование охватывает период серьёзной болезни щенка. Это тяжёлый период не только для него, но и для успешных его полюбить хозяев. Вставная конструкция в данном отрывке («Ева плакала... Да и мы – **были минуты** – совсем потеряли надежду») показывает надежду и крепкую веру хозяев в выздоровление своего питомца, но, как это случается в сложных ситуациях, и минуты отчаяния, когда кажется, будто всё кончено. Однако героиня подчёркивает: это только минуты.

Следующий фрагмент рассказа относится к моменту покупки хозяевами Кондрата новой квартиры и, следовательно, появлению новой волны эмоций собаки. «Войдя в пустую квартиру, первым делом мы поставили стул к огромному – **во всю стену** – венецианскому окну». Деталь, отмеченная героиней, от лица которой ведётся повествование, невероятно важна, потому что это самое окно станет впоследствии главным местом времяпрепровождения и основным наблюдательным пунктом Кондрата (*капитанским мостиком*), откуда он «брался на деловых собак» и караулил автобус с домашними.

«Восемь лет я наблюдаю эту независимую и склочную натуру и – **не скрою** – в иные моменты судьбы очень бы хотела позаимствовать кое-что из характера моего пса». В данном предложении вставная конструкция чрезвычайно мала, но она возвращает нас к высказанной ранее мысли о том, что героиня не просто хочет быть ближе к любимцу, проникнув в его мысли, очеловечив его (он предстаёт в облике хозяина магазина, «художника-абстракциониста», «лютого сторожа»), но и жаждет научиться тому, чего не умеет сама и с чем питомец справляется легко и с достоинством. В данном случае можно говорить о па-

раллелизме психики/характера человека и животного, обмене и взаимопроникновении черт каждого из них друг в друга.

Кондрат – «мужичок имущественный», вещи охраняет тщательно. Но если никто на них не покушается, то он вызывает на дуэль сам: *«И если у него настроение сразиться с кем-нибудь и показать неважно кому кузькину мать, он прихватывает зубами что-то из своего хозяйства, заявляется с угрожающим видом туда, где вы сидите, ни о чём не подозревая и мирно попивая чай или что там ещё (так, пружиня на носках сапожек и зырякая по сторонам, ковбой заходит в незнакомый паб) и выкладывает добычу прямо вам под ноги»*. Данная вставка демонстрирует новый образ пса-ковбоя, что подчёркивает его энергичную, бойкую, дерзновенную натуру. В связи с данным вставным элементом следует отметить, что прежде Д. Рубина заключала подобные конструкции тире с обеих сторон, здесь первый раз в рассказе появляются скобки, характерные для вставок, которые помещаются в сложное основное предложение, состоящее из простых распространённых. При этом сама вставка также представляет собой простое предложение, но распространённое однородными деепричастными оборотами. Таким образом, можно сделать вывод, что скобки используются Д. Рубиной для более контрастного отграничения сложной вставной конструкции от насыщенного основного предложения.

«И правда, если вам придёт в голову подразнить его – например, сделать вид, что протягиваете руку за его кровным, трудом и потом нажитым имуществом – ох, какой шквал проклятий, угроз, бандитских наскоков...». Вставная конструкция в данном предложении являет собой пример попытки поиграть с Кондратом, что заканчивается не очень хорошо, и отражает боевой дух пса-«ковбоя». Можно отметить, что вновь основное предложение не столько подробно распространено, в отличие от предыдущего, и, как следствие, мы наблюдаем не скобки, а излюбленное Д. Рубиной тире.

«Он счастлив, – боевой конь, тигр, бешенный аран, зверюга проклятая, – всё это, как вы понимаете, доводят до его сведения потом, когда, распротёршись мохнатым ковриком, он бессильно валяется под стулом». Подобная вставка возвращает

нас к природной, естественной стороне пса. Таким образом, акцентируя внимание на животных образах, воплощённых в питомце, рассказчик даёт более широкое представление о Кондрате: он сочетает в себе и человеческое, и природное начала.

Далее описаны довольно подробно любовные скитания «ковбоя» Кондрата. Эта линия характерна для любого романного повествования. *«И точно, как султан в гареме возлежит на подушках, покуривая кальян и глядя на своих танцующих наложниц – а вокруг возлежат жены, старшие, младшие и промежуточные... так же и Кондрат, подгребёт к себе обеих, положит свою продувную морду между ними на какой-нибудь украденный им носок, и тихо дремлет, бестия...»*. Вставная конструкция в данном случае подчёркивает в противоположность предыдущему комментарию вновь человеческую, да ещё и столь важную (*султан!*) позицию пса. Это герой полигамных отношений. В этом – своего рода проверка героя любовью, только в собачьем мире. Он очень хорошо показал себя, с точки зрения его сородичей, рассказчик это отмечает. Данный пример конструкции интересно рассмотреть и с точки зрения его оформления. Д. Рубина здесь использует не характерный вообще для её идиостиля, но популярный в данном тексте приём обособления вставки тире, с одной стороны, и многоточием, с другой. Это отражает как бы переход поначалу спонтанной мысли в основное предложение, то есть развивается стихийно подхваченная мысль, вследствие чего основное предложение будто «растворяется» в нём.

Собака для героя-рассказчика – это не только радость, веселье, но и муки раннего подъёма: *«Вы, конечно, вольны зажмурить глаза, не дышать, не двигаться, словом прибегнуть ко всем этим дешевым трюкам – все напрасно: пробил час, а именно – шесть склянок – когда спать дальше вам просто не позволят – будут лезть мокрым носом в ваше лицо, старательно его облизывая и норовя целовать – тьфу! – прямо в губы»*. Так, вставные конструкции в данном случае работают на то, чтобы сделать акцент на самых вопиющих поступках пса ранними утрами: подъём для хозяев в 6 утра и облизывание лица, что, конечно, в такие моменты, вряд ли кого-либо обрадует, по-

этому во вставку вкрадывается эмоциональное междометие, выражающее неудовольствие героини.

«И вы поднимаетесь и лезете в джинсы, пугаясь в штанинах, с трудом разлепляя глаза и не попадая ногой в кроссовки, тем более, что один кроссовок (одну кроссовку?) этот негодяй куда-то уволок и яростно треплет, рыча и скалясь в экстазе». Данная вставка примечательна не акцентированием важной позиции относительно новой черты в характеристике пса, а используемой формой – наличием риторического вопроса. Автор не посмотрел правило о написании слов в единственном числе, обозначающих обувь, и не написал правильно, а оставил этот вопрос читателю, а может быть, и самому себе, чтобы задуматься вместе (апелляция к филологическому чутью). Так автор надеется на совместную работу со своим читателем. Вставка в данном случае включает правильный вариант, в то время как основное предложение содержит ошибку.

До сих пор не проснувшаяся хозяйка, а потому в недобром настроении вышедшая на прогулку, вынуждена не просто спокойно прогуливаться по двору, а куда-то «нестись», поэтому в предложении *«Мчатся тучи, вьются тучи, дождь припускает уже в полную свою волю, и я ругаюсь вслух и вслух же – благо, никого вокруг нет – спрашиваю себя – за что мне это ежеутреннее наказание?»* героиня со злостиругается на пса. При этом она всё равно его любит: вставкой акцентирует внимание, что этого никто и не должен слышать, все подобные порывистые эмоции непродолжительны и просто являются выходом чувств на волю, тем более после такого сурового подъёма утром.

Новая вставная конструкция позволяет нам убедиться в добрых чувствах хозяйки по отношению к питомцу: *«Иногда мы не реагируем на его рокошующие провокации, но чаще – уж больно забавен, бандитка лохматый – вступаем в навязанные им отношения».* В данном случае используется и уменьшительно-ласкательный суффикс, что смягчает характеристику маленького бандита, и эпитет *лохматый* также звучит с ласковой интонацией.

Сборы на прогулку для собаки – это очень важная часть её времяпрепровождения. Казалось бы, пёс уже готов, он будет скулять, ходить за вами, виляя хвостом, по всей квартире. Но вот,

чтобы он вышел, его надо позвать, пригласить туда пойти. Герой-рассказчик пробует поспорить с питомцем, не желая идти по его зову. Но ведь собака, хвост которой отражает «движения души», всё понимает: *«ГУ?!...ГУ?!...**(чудовищное напряжение, нос трепещет)** Гу-у-у!?!...**(хвост – пропеллер)** ГУ-ЛЯ-А-АТЬ!?!»* В приведённых вставных элементах – описание внешних признаков поведения собаки при сопоставлении с её лаем. Читатель может вообразить, представить себе реально происходящую, описанную автором, картину сборов собаки, которая находится в напряжённом ожидании прогулки. В следующем предложении – ликование собаки, которую поняли: *«Ох, какой прыжок, какое дружинное глубинное ликование, с каким бешеным восторгом он хватает любую подвернувшуюся вещь – **чей-то тапочек, туфель, носок** – и мчится по квартире с напором, достойным мустанга в прерию».* Она хватает любой предмет (это подчёркивает вставка) и сломя голову несётся, изливая тем самым «накал чувств».

«Можно даже исторгнуть из груди сдавленный вопль — он, пожалуй, притормозит на лестничной площадке, оглянется на тебя с отчужденным видом, морда при этом имеет выражение: "С каких это пор мы с вами на "ты"?"...и бросится неумолимо прочь». Это предложение возвращает нас к началу рассказа, где автором была дана установка, что всё признаки поведения собаки, его взглядов, поступков интерпретирует человеческое сознание героини-рассказчицы: пёс при первом появлении в новом доме утверждает свои позиции, которые укрепляются в дальнейшем повествовании. Сейчас он уже взрослый, он полноценный член семьи, которые имеет право и на своё мнение, и на свои личные дела. На этом примере можно снова пронаблюдать описанный выше принцип обособления вставки тире и многоточием. Стоит обратить особое внимание на то, что во вставку вкрапляется прямая речь, как бы слова самого пса, желание всем видом показать, что он спешит по делам, а его отвлекают.

Героиня, очеловечивая своего питомца, видит в нём, возможно, самого лучшего собеседника, если бы только он умел говорить. Этот пёс обладает мудростью, которой она хочет у него поучиться, житейским опытом. Кондрат любит всех своих родственников, в том числе бабушку: *«Например, знает, что если с*

самого утра я ни с того ни с сего становлюсь мыть посуду, это верный признак, что бабушка – **БАБУЛЯ!** – уже выехала откуда-то оттуда, где таинственно обитает, когда исчезает из нашего дома». Именно поэтому вставка содержит ласкательное упоминание о ней. Это ещё раз доказывает человеческие черты в облике пса. «...дожидаясь, когда его главная приятельница подойдет к парадному, вот она скрылась из виду...тогда он валится со стула боком – так пловцы уходят с вышки в воду – мчится к двери и с размаху колотится в нее лапами, всем телом, оглушительно причитая и пристанывая...». Встреча бабули – самый ответственный момент. Вставная конструкция подчёркивает сравнение в это время Кондрата с профессиональными пловцами: он столь же стремительно летит к своей цели. Другой чертой собаки, на которую обращено внимание в рассказе, является деликатность. Описывается ситуация, когда отец семейства застрял в комнате для удобств: «Потом поняла, вскочила и мы – **шёпотом переговариваясь по обе стороны двери,** – пытались столовым ножом отжать заклинившуюся "собачку" замка». Вставка акцентирует внимание на том, что дело происходит ночью, родители пытаются не разбудить детей. При этом собаки не видно и не слышно. Она приходит только после того, как всё закончилось благополучно, как бы встречая хозяина из заточения. Вставная конструкция является не только прямой характеристикой действий персонажей, но и параллельной, внетекстовой, отсылкой к тихому, молчаливому, спокойному ожиданию собаки, которая не мешает никому в ответственный момент. Здесь вновь прослеживается параллелизм психологических состояний героев и собаки.

На протяжении рассказа у читателя складывается образ пса-«ковбоя», «корсара», отважного «мужчины». Однако ближе к концу мы сталкиваемся с развенчивающей этот образ характеристикой: собака боится фейерверков. «Я хватаю его на руки. Обнимаю, прижимаю к себе, глажу, бормочу ласково – **ну что ты, милый, это только салют, это ничего, ничего...** – он в отчаянии вырывается, продолжая трястись мелкой дрожью, мечется по дому и ищет пятый угол». Во вставной конструкции – слова

героини, обращённые к питомцу, которого (сильного и смелого) утешают, потому что рядом в окне гремит салют.

После упоминания о страхе собаки автор использует вставную конструкцию для пояснения сложившейся ситуации повествования: *«(Я упоминаю о его слабостях отнюдь не для того, чтобы опорочить одно из самых бескорыстных и благородных существ, когда-либо встретившихся на моем пути, но если уж говорить, то говорить начистоту. Справедливость алчет правды)»*. Здесь вновь мы встречаемся с приёмом, отмеченным нами ранее в анализе рассказа «Мастер-тарабука». Д. Рубина использует выключенный из синтаксической структуры какого-либо предложения вставной элемент. Он обособлен, является отдельным абзацем в тексте. Это подчёркивает спонтанность его появления и желание некоторого оправдания перед читателем, пояснения резкого контраста черт собаки. Правда, о которой упоминается, располагает читателя к доверию.

Один из эпизодов, описанных в рассказе, относится к ритуалу приёма гостей, а также выпрашиваний у гостей чего-либо вкусного Кондрат. Фраза героини: *«Немедленно отстань от Саши (Иры, Маши, Игоря)!»* – даёт читателю представление, что это обычное поведение пса.

«Иногда уже и мне надоест, потянешь его – ну, хватит, мол, Кондраша, идём домой... – он упрямо дернет головой, не оборачиваясь». Данное предложение является одним из завершающих рассказ. Вставка демонстрирует обращение к собаке, разговор с ней, как с человеком, что выражается через ласковое обращение *Кондраша*. В это время пёс сидит под персиковыми облаками утра и смотрит на Иерусалим. Так в конце рассказа мы вновь видим у собаки человеческие черты (скорее всего, у неё тоже есть мысли, как и у человека в такие моменты).

«Когда вот так мы стоим с тобой, в молчаливой задумчивости, на высоком гребне нашего перевала, под персиковыми облаками нового утра, – что видишь ты там, на холмах Иерусалима? Чем ты заморожен? Что за собачий тебе интерес в этих колокольнях и башнях, и куполах, в этих старых садах и дорогах? Или твоя преданность хозяйке достигает того высочайшего предела, когда возвышенные чувства сливаются

в единой вибрации духа в тех горних краях, где нет уже ни эллина, ни иудея, ни пса, ни человека, а есть только сверкающая животная радость бытия, которую все Божьи твари – и я, и ты – чувствуют равно?» Приведённое предложение заключает, по нашему мнению, основную идею рассказа, его ядерный смысл. Она целиком состоит из вопросов героини, обращённых и к себе, и к Кондрату, и словно бы к мирозданию. Здесь ясно прослеживается воплощённый на уровне всего повествования и сконцентрированный здесь наиболее ярко параллелизм мира человека и животного, друга человека. Собака – это не просто животное, у неё тоже есть характер, чувства, настроение, дела. И все, люди и животные, – «Божьи твари», между которыми есть нечто общее – «радость бытия». Важно отметить, что в данном случае вставка является завершением предложения, после неё основная часть не продолжается, т.е. это вывод, к которому свозь цепь разных ситуаций в логике повествования вёл автор читателя. Заканчивая так предложение, он апеллировал к сознательному началу, раздумью не только над судьбами героев, но и над собственной жизнью.

Таким образом, нами были проанализированы вставные конструкции и характер их функционирования в рассказе Д. Рубиной «Я и ты под персиковыми облаками». Можно сделать вывод о том, что вставки – одно из самых распространённых синтаксических явлений в прозе писательницы наряду с такими, как многосоюзие, обилие однородных членов предложение, инверсия и пр. Вставки, использованные автором в рассказе, отражают обращение героини к питомцу, как к человеку, попытку интерпретации поступков и мыслей собаки (также с точки зрения героини) и её собственные мысли, произвольно возникающие в ходе повествования. То есть вставочные элементы раскрывают облик и мир собаки, а также образ главной героини-хозяйки, самого важного объекта для питомца. Можно выделить присущую именно данному тексту особенность пунктуации при оформлении вставных элементов – это обособление вставки с помощью тире, с одной стороны, и многоточия, с другой, что позволяет уловить стихийно пришедшую героине мысль и развить её, «спрятав» в неё смысл основного предложения. В ос-

новном же в данном рассказе Д. Рубина использует для обособления и акцентирования вставных конструкций тире. Скобки появляются в момент синтаксической перегруженности основного предложения и состава вставки. Другая особенность вставочных элементов в рассказе – наличие прямой речи, обращений, междометий в их составе, а также риторических вопросов. Хотя и конструкции, включаемые в основное предложение, отличаются своей краткостью (в основном, они состоят из распространённых словосочетаний, однако присутствуют и простые распространённые предложения). В анализируемом нами тексте размер вставки не связан с объёмом основного предложения, в отличие от рассказа «Мастер-тарабука», где прослеживалась прямая зависимость. Основная цель использования вставных конструкций в данном рассказе, по нашему мнению, заключается в том, чтобы нагляднее продемонстрировать читателю параллель между живыми существами на Земле: между человеком и собакой в данном случае. Вставные конструкции несут зачастую отсылки к человекоподобным качествам питомца героини, несмотря на его природные инстинкты и начала. Таким образом, вставки работают на раскрытие параллели между психикой/характерами рассказчицы-хозяйки и собаки по кличке Кондрат.

В рассказах Д. Рубиной проявляются такие функции вставок, как создание второго сюжета, развивающегося параллельно динамике основного действия, как в рассказе «Мастер-тарабука», и детальное раскрытие двух пересекающихся образов, наиболее важных с точки зрения автора-повествователя, как в представленном рассказе.

Литература

1. *Акимова Г.Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высшая школа, 1990. 166с.
2. *Валгина Н.С.* Синтаксис современного русского языка: Учебник для вузов. М.: Высшая школа, 2001. 432с.
3. *Валгина Н.С.* Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В.В.Лопатина. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. 432 с.
4. *Мирошникова М.Г.* Поэтический синтаксис в прозе Д. Рубиной (на материале романа Д. Рубиной «Вот идёт мес-

сия!..» // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. Т. 13. С. 841–845.

5. *Прияткина А.Ф.* Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М.: Высшая школа, 1990. 176 с.

6. *Рубина Д.И.* Рассказы. Интернет-ресурс [Электронная версия]. URL:<http://www.dinarubina.com/texts/tamburin.html>.

7. *Русская* грамматика современного русского языка: в 2 т. Т.2. М., 1980.

8. *Серго Ю.Н.* Женская проза России: особенности художественной философии. Интернет-ресурс [Электронная версия]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zhenskaya-proza-rossii-osobennosti-hudozhestvennoy-filosofii>.

9. *Современный* русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: В 2 ч. Ч 2: Морфология. Синтаксис/ под ред. Дибровой Е.И. М.: Академия, 2001. 704 с.

© Клепикова В.И., 2017